

Полховская Е.В., Мазина Е.Н.

УДК 821.111 (092)

**БИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖАНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
ПИТЕР АКРОЙД О ШЕКСПИРЕ**

Даже при пристальном взгляде на историю европейской литературы вряд ли найдется более энигматичная фигура, чем Шекспир. Однако, по словам Жана Пари, «по мере увеличения количества и разнообразия интерпретаций усиливается и путаница, загадка Шекспира не решается. И, прежде всего, загадка в том, как кто-либо мог вместить такое разнообразие. Из «тысячи душ», которые приписал ему Гете, какую обладал он сам? Кто он был? Аристократ, посвященный, пророк, политик, иезуит, гомосексуалист, ростовщик, мизантроп, сумасшедший, пуританин, мистик, агитатор или, как выразился великий Толстой, «посредственный писатель» [1, 5].»

Шекспира не оставляли без внимания на протяжении многих столетий. В 1598, еще при жизни драматурга, критик Франсис Мерес сравнил его с Овидием, Плавтом и Сенекой. Часто цитируется реплика Бена Джонсона о том, что Шекспир «знал плохо латынь и еще хуже греческий», вызванная во многом завистью. Но тот же Джонсон пишет оду:

*To draw no envy on thy name,
Am I thus ample to thy Book and fame:
While I confess thy writings to be such
As neither Man nor Muse can praise too much...*
Soule of the Age!
The applause! Delight! The wonder of our Stage!..
*Thou art a Monument without a tomb,
And art alive still while thy Book doth live
And we have wits to read and praise to give.*

А через несколько лет после смерти сладкоголосого «эйвонского лебедя» (Sweet Swan of Avon), Джонсон говорит: «I lov'd the man, and do honour his memory (on the side of Idolatry) as much as any. He was (indeed) honest, and of an open, and free nature: had an excellent Phantasie; brave notions, and gentle expressions [Цит. по 1, 183]».

Николас Роу, который в 1709г. опубликовал первую систематизированную биографию Шекспира, утверждает, что именно Шекспир спас комедию Бена Джонсона «Every Man in His Humour» от рук поверхностных и невосприимчивых членов труппы «Глобуса» и представил автора публике.

Джон Мильтон посвящает Шекспиру стихотворение:

*What needs my Shakespeare for his honour'd bones,
The labour of an age in piled Stones,
Or that his hallow'd relics should be hid
Under a Stary-pointing Pyramid?
Dear Son of memory, great heir of Fame,
What need'st thou such weak witness of thy name?
Thou in our wonder and astonishment
Hast built thyself a live-long Monument.*

(On Shakespeare, 1630)

Панегирики Шекспиру писали и Александр Поп и Джон Драйден, хотя последний упрекал его за беззаботность и летаргию мысли. Сэмюэль Тейлор Кольридж называл поэта «myriad-minded». Вольтер считал Шекспира гением, плодотворным и сильным, естественным, но при полном отсутствии хорошего вкуса и без уважения к правилам, ругал себя, что представил монстра, варварского актера Франции. Французы (Дидро, Вольтер, М-м де Сталь) всегда критиковали шекспировское презрение к правилам, это шокировало их картезианские умы, чувство порядка и вкуса. [Цит. по 1, 184].

Шекспир попал в список гениев уже через 150 лет после смерти, что не исключало критики. Бернард Шоу презрительно отзывался о Шекспире, как и Герберт Уэльс. Причем Честертон считает: «Нападки Шоу на Шекспира, при всей своей карикатурности, нимало не были подвохом или обдуманым, диким эпатажем. Он говорил как на духу, и то, что люди называли несерьезностью, было весельем человека, который радуется, говоря, что думает на самом деле, а это вправду лучшая из радостей. И больше того – развенчав слепое поклонение пришельцу с Эйвона, сказать по правде, Шоу совершил благое дело. Такое поклонение вредило Англии. Оно произвело на свет опасное самодовольство, которое заставило нас думать, что Шекспир не просто величайший поэт, а неподсудный критике, единственный. Это вредило и словесности, ибо набросанный вчерне, неотшлифованный шедевр прослыл искуснейшей поделкой. Оно вредило и морали, и религии, ибо, воздвигнув эдакий огромный идол, мы слепо и бездумно идеализировали такое же, как мы, дитя человеческое. Конечно, если бы не собственные недостатки, Шоу не разглядел бы недостатки Барда. Но чтобы устоять перед такой поэзией, необходимо быть равновелико прозаичным. Ведь неслучайно сокрушать скалу сирен отправили глухого..... Шекспира он не понимал как пуританин, которому католик чужд по духу, а Шекспир – католик [2, 262]».

Данное исследование посвящено тому, как представлен Шекспир современным английским биографом и романистом Питером Акройдом, что видит, ценит, понимает в нем современный автор. **Новизна** данного исследования обусловлена особенностью ракурса рассмотрения проблемы – изучаются методы создания образа Шекспира в произведении жанра non-fiction – «Шекспир. Биография» Питерат Акройда [3]. В

качестве методики исследования используются культурно-исторический и структурный подходы, метод нарративного анализа, стилистического анализа, сравнительно-сопоставительный метод.

Питер Акройд создает не просто биографию, а целую энциклопедию английской жизни, характера, традиций, взгляда на мир. Российский критик А. Бартошевич замечает: «Смысл и обаяние историографического стиля Акройда – в его восхитительном эмпиризме, в его истинно британской любви, можно даже сказать – нежности к отдельной исторической детали, которая входит в общий поток исторического процесса, но не теряет при этом своей единственности, то есть в конечном счете – к образу жизни обыкновенных людей: их бесконечно многообразными характерами, лицами, голосами, их маленькими победами и поражениями, удачами и несчастьями до отказа заполнены книги Акройда. Никто лучше этого автора не умеет передать шум движущейся жизни и нас научить слышать его за сухими строками казенных документов, составляющих традиционную историческую фактологию [4, 258]».

При том, что произведение Акройда укладывается в рамки традиционного биографического жанра, творческому методу писателя присущ ряд особых черт.

Во-первых, автор не является апологетом какого-либо одного научного метода (биографического, психоаналитического, деконструктивистского и т.д.), сознавая ограниченность любых инструментов анализа. Его сочинение лишено тенденциозности. Отстаиваются только те гипотезы, которые находят логическое, документальное и текстовое подтверждение. Писатель не заявляет об открытии новых фактов, а проверяет уже известные тщательным анализом документов, а главное пристальным прочтением текстов. «... под пером Акройда тысячу раз повторенные, на зубах навязшие факты о жизни Шекспира, погруженные биографом в живую воду исторического контекста, сопоставленные с множеством других аналогичных документальных свидетельств, неожиданно приобретают новые и безупречно достоверные смыслы или по крайней мере смысловые оттенки. Жизнь Шекспира вплетена в книгу в сложную сеть других жизней, его лицо окружено великим множеством других лиц – стратфордских соседей, лондонских актеров, придворных, столичных жуликов, торговцев, подмастерьев, события его жизни помещены в среду огромных и малых, совсем крошечных обыденнейших событий, составляющих течение исторического потока. Хрестоматийные сведения складываются в многокрасочную картину, исполненную свежести, поразительной новизны и точности. И тогда «антистратфордианские» аргументы, кажущиеся столь эффектными на поверхностный взгляд, вянут и сами собой рассыпаются на глазах [4, 259]». Акройд лишь вскользь упоминает о предметах наиболее острых дискуссий (проблема авторства, отношения с семьей, уровень образованности и т.п.). Писатель не строит книгу как полемику с оппонентами, а пытается воссоздать исторические детали. Так, в вопросе авторства Акройд приходит к заключению: “The evidence of his work provides unequivocal proof that he was neither born nor raised in London. He does not have the harshness or magniloquence of John Milton, born in Bread Street; he does not have the hardness of Ben Jonson, educated at Westminster School; he does not have the sharpness of Alexander Pope from the City or the obsessiveness of William Blake from Soho. He is of the country [5, 8]». Связь Шекспира со Стратфордом просматривается во всех его произведениях (образ Арденского леса в «Как вам это понравится» – “I, now am in Arden, the more foole I”; знание растений (в пьесах упоминается 108 видов) и умение отличить *hemlock* от *cuckoo-flower*, *fumiter* от *darnel*, использование местных названий цветов – *crow-flowers* Офелии и *cuckoo-flowers* Лира; Шекспир часто упоминает о реке (59 упоминаний, 26 из которых о наводнении столь частом в Стратфорде), частое упоминание о ремесле отца (выделке кожи): в «Ромео и Джульетте» – “a wit of cheuerell, that stretches from an unch narrow, to an ell broad”, не говоря уже о местных легендах. Акройд настаивает на важности католического воспитания для формирования мировоззрения Шекспира, что находит отражение в его творчестве.

Сам образ Шекспира – очень схематичен, что вполне соответствует замыслу писателя. Зная Акройда как блестящего романиста (в том числе и в жанре художественной биографии – «Завещание Оскара Уайльда», «Мильтон в Америке», «Записки о Платоне», «Лондонские сочинители»), его трудно заподозрить в неумении создать живой образ. Для писателя главное – не создать персонаж, являющийся плодом его собственного воображения, а, наоборот, отсечь домыслы и донести по крупницам собранные факты. “So we may prefer the testimony of the dramatist to the speculations of the sociologist” [5, 43]. Акройд не доверяет мнениям современников в силу многообразия человеческих мотивов – от ненависти и зависти до слепого поклонения. К определенным заключениям писатель приходит, вчитываясь в тексты. Каков же Шекспир Акройда? Шекспир любит свободную энергию и движение, его завораживает полет птиц, он не терпит вида птицы в клетке. Драматург не был дружен с братьями (25 аллюзий на Каина и Авеля). На него оказала влияние работа учителем, так как в пьесах упоминаний о школе больше, чем у кого-либо из современников. Шекспир неотделим от исканий, бед, тревог и радостей своего времени.

Акройд осмысливает то, как Шекспир работал с материалом, обращая внимание на шекспировское цитирование и автоцитирование (возвращение к собственным ранним произведениям, разработку ключевых мотивов), заимствование сюжетов из разных источников с полной переработкой образов, свободное движение речи, построение цепи метафор на ассоциациях, игру с звуковой оболочкой слов. Именно экспрессивный и насыщенный шекспировский язык вызывает восхищение Акройда. По мнению биографа, драмы Шекспира будут жить так долго как и сам английский язык, поскольку они вплетены в ткань самого языка, изучая их, понимаешь структуру и *panorply* английского воображения [6, IX]. Акройд прощает Шекспиру плагиат и пастиш: “In his act of remembering and restoration, all of the resources of his imagination clustered around the words and images so that they were immeasurably strengthened and deepened.

They became “Shakespearean” with that unique and irreplaceable presence which is so hard to characterize or to define.” [6, X].

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание – это особенности фокализации в труде Акройда. Все повествование ведется от третьего лица, с точки зрения всезнающего нарратора, в то же время меняется тип фокализации. Чаще всего читатель отождествляет себя с нарратором и воспринимает все изображаемое с высоты современной эпохи и наших (акройдовских) знаний о Шекспире и его времени. Однако иногда автор позволяет читателю смотреть на события глазами Шекспира, подробно воссоздавая колорит эпохи.

Акройд вскрывает смысловые слои шекспировских текстов, вычитывая многое доступное только современному пониманию. Писатель приходит к выводу, что в персонажах царствует власть индивидуального сознания, умственная и физическая энергия, присущая в большой степени самому Шекспиру.

Биограф использует последние открытия историков театра. Как считает Алексей Бартошевич, книга Акройда – настоящий театральный роман как и вся жизнь Шекспира [4, 261]. Акройд описывает и сам театр, и популярных актеров того времени, и то, как создавались произведения (соавторство нескольких драматургов, постоянная переделка пьес в ответ на запросы труппы и публики, воровство популярных сюжетов), демонстрирует, как облик и привычки актеров находили отражение в создаваемых персонажах (Ричарда Бербиджа в «Гамлете» и др.), указывает на отсутствие декораций и значимость костюмов, на которые тратилось больше денег, чем на актеров.

Английский поэт Уистон Хью Оден высказал следующую мысль в связи с многочисленными догадками и выдуманнами гипотезами о жизни Шекспира, которые не дают ключа к пониманию самого творчества: «Если речь идет о человеке действия – правителе, политике, генерале, человек равен своей биографии. В случае с человеком искусства, который является не деятелем, а творцом, история его жизни принципиально отлична от истории его произведений. ... Связь между жизнью и творчеством, с одной стороны, самоочевидна и не требует комментариев – всякое произведение искусства есть, в определенном смысле, самовыражение, – но, с другой стороны, связь эта чрезвычайно сложна и непроницаема для постороннего взгляда» [7, 169]. Думается, что Питер Акройд, будучи сам писателем, хорошо осознал это.

Подводя итог данному исследованию, важно подчеркнуть, что произведение Акройда о Шекспире построено на сочетании исторического, биографического и текстологического подходов и благодаря глубине и охвату анализа задает новые ориентиры современным биографам.

Источники и литература:

1. Paris Jean. Shakespeare / Jean Paris. – L. : Evergreen Profile Books, ltd., 1960. – 192 p.
2. Честертон Г. К. Критик / Г. К. Честертон // Иностранная литература. – М., 2010. – № 8. – С. 258-267.
3. Акройд П. Шекспир. Биография / П. Акройд; пер. с англ. О. Кельберт. – М. : Колибри, 2009. – 736 с.
4. Бартошевич А. Великое дело – контекст / А. Бартошевич // Иностранная литература. – М., 2010. – № 6. – С. 258-262.
5. Ackroyd Peter. Shakespeare. The Biography / Peter Ackroyd. – L. : Vintage Books. – 546 p.
6. Ackroyd Peter. Reading Shakespeare Today / Peter Ackroyd // The Complete Works of William Shakespeare. – Collins, 2006. – P. IX-X.
7. Оден У. Х. Сонеты Шекспира / У. Х. Оден // Иностранная литература. – М., 2011. – № 7. – С. 168-188.

Павленко Л.В.

УДК 821.112.2-1.09:141.8.-330.84(Ямбул)

МАНДРІВКА ЯМБУЛА – ПЕРШИЙ УТОПІЧНИЙ РОМАН СВІТОВОЇ ЛІТЕРАТУРИ

Людині, представникові будь якого етносу і суспільного устрою, здавна притаманне бажання жити краще, ніж при тому способі існування, який вона має у реальному часі і просторі. Тому історія світової культури знає багато прикладів народних фантазувань щодо земель чи суспільств, де люди живуть щасливо в матеріальному та соціальному планах. В літературі різних народів це привело до виникнення особливих сюжетів і жанрів, які мають загальну назву «утопічних». Хоча сам термін «утопія» (місце, якого не існує) виник на початку XVI століття як назва уславленого філософсько-соціологічного твору Томаса Мора, елементи утопії можна віднайти і в гомерівських поемах, де згадуються міфічні «острови блаженних» («Одіссея», пісні IV, р.р.561-569; XV, р.р. 403-411) чи наведено опис життя щасливих феаків на острові Схерія («Одіссея», пісня VII, р.р.114-132), або ж переказ міфу про «Золотий вік» людства в премі Гесіода «Роботи й дні» (р.р.167-173)[9, 166]. На науковій основі утопічні ідеї, втім, починають розглядатися лише в IV столітті до Р.Х. учнями філософа Сократа, який, як відомо, першим почав критично ставитись до традиційних міфів і переказів далекої старовини.[2, 682]. Спочатку Ксенофонт Афінський в своєму творі «Кіропедія» зробив спроду ідеалізувати суспільний лад Перської держави за часів правління царя Кіра Старшого, а потому Платон створив утопічний міф про Атлантиду[6, 100]. Історик Діодор Сицилійський (він жив десь між 280 – 200 р.р. до Р.Х.). передає в різних книгах своєї «Історичної Бібліотеки» твори історіографів різних часів та народів – наприклад, праці учнів славнозвісного афінського ритора Ісократ – істориків Теопомпа та Ефора, або ж «Історію Єгипту» жерця Манефона, який жив у III столітті до Р.Х. Ці оповіді достатньо фантастичні за своїм змістом і мають певні ознаки творів утопічного характеру. Завважимо при цьому, що античні утопісти пов'язують свої оповіді переважно з народами віддалених, мало